УДК 882-091 «18/19»

ИУДА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ИУДЫ)

Косенко А.А., аспирант

Запорожский государственный университет

Исследование вопроса о функционировании традиционного сюжетно-образного материала в литературе является чрезвычайно актуальным для современной компаративистики, так как решение его позволяет выявить связь между отдельными национальными литературами, литературными явлениями, разделенными во времени, и таким образом представить мировую литературу как систему в синхроническом и диахроническом планах. Определение же специфики интерпретаций и трансформаций традиционного материала, объективных и субъективных факторов ее обуславливающих, направлено на выявление оригинально-личностных представлений художника, особенностей его мировоззрения, художественного метода, а также на включение его творчества в контекст эпохи.

Представляется проблемным четко определить круг традиционных образов, постоянно расширяющийся по мере развития литературного процесса.

Ориентируясь на традиционные образы как на определенные модели поведения, художники создают новые, оригинальные образования. Причем обращение к традиционному сюжетно-образному материалу иногда сопровождается полным отказом от устоявшихся характеристик и интерпретацией с совершенно противоположным семантическим акцентом. Особенно такой подход характерен для литературы конца XIX вв., периода, отмеченного стремлением к разрушению традиционного и созданием абсолютного нового, шокирующего своей смелостью и парадоксальностью.

Русские писатели рубежа веков активно используют традиционный материал в своем творчестве, причем, с особым интересом обращаются к евангельским образам. Одним из наиболее популярных универсальных образов русской литературы к. XIX- н. XX вв. является образ Христа: специфически интерпретированный, он становится символом с совершенно неожиданным значением (трилогия Д.Мережковского «Христос и Антихрист», поэма А.Блока «Двенадцать», повесть Л.Андреева «Иуда Искариот» и др.). Ориентируясь на Библию как на наиболее известное современником произведение, писатели стремились продемонстрировать собственное оригинальное отношение к «вечным» вопросам, порожденное особенностями исторического этапа развития общества, обратить внимание на возможности радикального изменения оценочных доминант. М.Волошин, один из лучших представителей творческой интеллигенции рубежа веков, писал буквально следующее: «Каждый евангельский эпизод и каждый характер является для нас как бы алгебраическими формулами, в которых все части так глубоко связаны между собой, что малейшее изменение в соотношении их в итоге равняется космическому перевороту. Поэтому когда художник вводит свое живое «я» в законченные кристаллы евангельского рассказа, то индивидуальность его сказывается с такой полнотой и четкостью, с какой не может сказаться ни в какой иной области» [1,461].

Одним из традиционных образов, специфически интерпретируемых в литературе к XIX - н. XX вв., является образ Иуды. Большинство исследователей обращают внимание на оригинальное перевоссоздание образа Иуды Л.Андреевым («Иуда Искариот»), подчеркивая исключительность андреевского варианта «вечного предателя» среди других литературных образов Иуды. Однако представляется интересным такой подход к решению проблемы специфики функционирования образа Иуды в литературе к.XIX - н. XX вв., при котором рассматривается соотношение интерпретаций данного образа у нескольких художников, представителей своего времени, а также выявляются основные причины, обуславливающие закономерности художественных трансформаций.

Иуда Искариот - «один из двенадцати апостолов, предавших Иисуса Христа» [2,580] и ставший символом предательства в мировой культуре. В евангельских текстах отсутствует описание причин, побудивших Иуду совершить подлый поступок, отсюда - устоявшееся представление о том, что поводом к предательству послужило корыстолюбие: дьявол искусил Иуду, пользуясь его слабостью, а тот в свою очередь, за тридцать серебряников, предал Христа. Впоследствии, раскаявшийся Иуда повесился на осине. Необходимо отметить, что «секта каинитов понимала предательство Иуды Искариота как исполнение высшего служения, необходимого для искупления мира и предписанного самим Христом; эта точка зрения, находящаяся в резком противоречии со всей христианской традицией, была высказана во 2 в. и нашла некоторые отголоски в литературе 20 в.» [2,581].

Прежде всего, речь идет о повести одного из наиболее интересных писателей рубежа века Л.Андреева - «Иуда Искариот», породившей массу критических публикаций и послужившей поводом для дискуссий. Андреева упрекали в слишком «вольном» обращении с евангельским материалом, в том, что он превратил Иуду «в благороднейшего и лучшего из апостолов» [3,150], а основной причиной предательства сделал любовь к Христу. Однако образ Иуды у Андреева намного сложнее, противоречивее. Герой Андреева - прежде всего бунтарь, противопоставляющий себя всему, что направлено на подавление личности. Достаточно вспомнить Савву, доктора Креженцева, Анатэму, Фому, Магнуса и других. Влияние философских систем Ницше и Шопэнгауера, творчества Ф.М.Достоевского на личность Андреева определило во многом отношение к проблеме свободы личности, отразившееся в его произведениях. Писатель представляет Иуду как предателя «по идее», индивидуалиста-бунтаря, цель которого - найти истину. Андреев противопоставляет Иуду Христу как нравственной норме, подчиняющей себе окружающих, и, в то же время, сближает их, доказывая, что без предательства первого не было бы подвига второго, демонстрируя на художественном материале факт единства и борьбы противоположностей. Иуда Андреева - такой же мученик, как и Христос. Известна картина, нарисованная Андреевым, на которой изображены Иусус и Иуда, причем над головами их общий венец, а лица удивительно схожи [4,264]. Интерпретируя традиционный образ Иуды, Андреев в своей повести стремится доказать, что причиной предательства послужила отнюдь не корысть, но желание Иуды на практике убедиться и доказать другим, насколько порочен человек и какова сила добра. Иуда любит Христа, но не желает слепо верить и покоряться ему. Это парадоксальная трансформация образа «вечного предателя» как мученика, бунтаря, правдоискателя.

Среди критических работ современников, посвященных толкованию андреевского Иуды, особо следует отменить статью М.Волошина из сборника «Лики творчества». Волошин рассматривает Искариота Андреева в свете учений каинитов, определяющих Иуду как наиболее посвященного ученика Иисуса. Волошин упрекает Андреева в том, что писатель лишь слегка прикоснулся к истинной сути образа Иуды как человека, добровольно принимающего на свою душу грех предательства и тем самым совершающим великий подвиг. Ориентируясь на рассказ А.Франса, герой которого аббат Эжже повествует о своих видениях, Волошин создает своего Иуду (стихотворение «Иуда Апостол»):

«Боже, верю глубоко,
Что Иуда - твой самый страшный и верный
Ученик, что он на себя принял
Бремя всех грехов и позоров мира» [5,183].

Волошинская интерпретация традиционного образа в духе христианских ересей первых веков направлена на утверждение предательства как подвига. Это оригинальное толкование продолжает наметившуюся на рубеже веков в русской литературе традицию переосмысления образа «вечного предателя», оправдывающего его поступок. Иуда рубежа веков - это совершенно другой Иуда, не соответствующий евангельским канонам, в нем больше от жертвы, нежели от палача, больше светлого, нежели темного.

Известно, что к образу Иуды собирался обратиться в своем творчестве и А.Блок. В плане задуманной им пьесы об Иисусе Христе находим следующие: «У Иуды - лоб, нос и перья бороды, как у Троцкого. Жулик (то есть великая нежность в душе, великая требовательность)» [6,543]. Блок осознанно трансформирует образ Иуды, наделяя его чертами известного современника, смещая семантические акценты в сторону андреевского Искариота (вспомним нежное отношение андреевского Иуды к Христу, особенно накануне предательства, его требовательность к апостолам, неспособность прощать слабости).

Образ Иуды был удивительно близок писателям к XIX- н. XX вв. И.Анненский в статье «Иуда» («Книга отражений») не зря определил «муку, безобразие и неразрешенность Иуды» [7,15] как «нашу муку, наше безобразие и нашу неразрешенность [7,152]. Интерес к образу Иуды как олицетворению предательства на рубеже веков - далеко не случаен. Специфика интерпретации этого евангельского образа обусловлена не только субъективными, но и объективными факторами. Стремление оправдать предательство, представить образ, традиционно воспринимаемый со знаком минус, как гораздо более сложный, неоднозначный, - вызвано самой исторической действительностью. Войны, революции, социальные катаклизмы рубежа веков неизбежно сопровождаются разного рода изменами, предательством лидера, идеи, партии, народа. Желая решить актуальные для рубежа веков проблемы, разные писатели обращаются к использованию традиционного сюжетно-образного материала, интерпретируя и трансформируя его так, чтобы продемонстрировать специфику личностного понимания, обусловленного во многом влиянием общественного сознания на индивидуальное сознание художника. Оригинальные интерпретации евангельского образа предателя у Андреева, Волошина, Блока, само обращение к этому образу - закономерны. Осознавая это, сам М.Волошин констатирует следующий факт: «Нравственная проблема, скрытая в личности Иуды, особенно близка нашему времени. Разве не тот же вопрос о принятии на себя исторического греха подвигом предательства стоит и перед революционерами-

террористами, и перед убийцами из Союза русского народа, и перед всеми совершающими кровавые расправы этого времени.

Если есть такой вопрос, который можно считать **главным моральным вопросом нашего времени,** то это вопрос об Иуде» [1,463].

Таким образом, можно утверждать, что традиционный образ Иуды в русской литературе на рубеже веков радикально трансформируется, а в интерпретациях его предательства появляется «каинистская» тенденция к оправданию. В характере Иуды появляются положительные черты, а также (в отдельных случаях) прослеживается стремление к включению образа в контекст политических и идеологических дискуссий. Основным фактом, обуславливающим интерес к образу Иуды на рубеже веков и оригинальность его толкований, является историческая действительность, изобилующая социальными катаклизмами и провоцирующая художников на размышления о «вечной» проблеме предателя и жертвы, Иуды и Христа. Наметившаяся в н. XIX - н. XX вв. традиция оригинальной интерпретации евангельского образа Иуды находит свое продолжение в XX в. (например, роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М. Некто в сером / М.Волошин. Лики творчества.- Л.:Наука, 1988.-С.457-463.
2. Иуда Искариот / Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах.- М.: Советская энциклопедия, 1987.- т.1.-С.580-581.
3. Арабаджин К. Леонид Андреев. Итоги творчества.- СПб.: Общая польза, 1910.- 279с.
4. Реквием. Памяти Леонида Андреева.- М.: Федерация, 1930.-282с.
5. Волошин Н. Иуда Апостол / М.Волошин Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников.- М.: Правда, 1991.- С.182-183.
6. План задуманной пьесы об Иисусе Христе / А.Блок. Собрание сочинений в восьми томах. - М.-Л.: Художественная литература, 1963.- т.7.- С.543.
7. Анненский И. Иуда / Книги отражений.- М.: Наука, 1979.- С.147-152.